

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК • УРАЛЬСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ

АКТУАЛИЗАЦИЯ ПОТЕНЦИАЛА ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

ЕКАТЕРИНБУРГ
2013

УДК 930.1/2
ББК 63.0
А 43

Ответственный редактор академик РАН **В.В. Алексеев**

Рецензенты: доктор исторических наук **В.П. Тимошенко**,
доктор исторических наук **Л.Н. Мазур**

А 43 Актуализация потенциала исторической науки / В.В. Алексеев, Е.В. Алексеева, Л.А. Дашкевич, К.И. Зубков, Е.Ю. Казакова-Апкаримова, А.Е. Курлаев, Е.А. Курлаев, С.А. Нефедов, И.В. Побережников, Г.Н. Шумкин. – Екатеринбург: РИО УрО РАН, 2013. – 272 с.

ISBN 978-5-7691-2366-5

Обосновываются возможности и механизмы актуализации потенциала исторической науки, характеризуются предпосылки практического использования исторического опыта в современной социальной практике и социальном прогнозировании. Определен теоретический объем категории «исторический опыт» в аспекте исторической онтологии и эпистемологии, проанализированы место и роль исторического опыта в структуре исторического познания и его функциональные связи с историческим знанием. Предложены способы совершенствования теоретических подходов, ориентированных на выявление в социальной и исторической реальности структурных компонентов, тенденций, закономерностей в качестве основы для их экстраполяции в совершившееся и грядущее, настоящее и будущее.

Для историков, философов, социологов, политологов, экономистов, культурологов, регионоведов.

УДК 930.1/2
ББК 63.0

ISBN 978-5-7691-2366-5

© Коллектив авторов, 2013 г.
© РИО УрО РАН, 2013 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава 1. ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ КАК КАТЕГОРИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ	8
1.1. Исторический опыт: традиции осмысления и концептуализация понятия	8
1.2. Исторический опыт и социальные практики	24
1.3. Актуализация культурного наследия	35
1.4. Моделирование гражданского общества в современном историографическом дискурсе	70
1.5. Тематический анализ историографических практик: интерес или социальный заказ	85
1.6. Историческая экспертиза: обоснование методологических основ ..	119
Глава 2. МОДЕЛИРОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ: МЕЖДУ ПРОШЛЫМ И БУДУЩИМ	142
2.1. Макроисторическое моделирование переходов	142
2.2. Геополитическое моделирование исторической динамики	161
2.3. Структурно-демографический анализ исторической динамики ..	178
2.4. Диффузионные модели в историческом исследовании	197
2.5. Конкретно-проблемная методология изучения модернизаций ...	216
2.6. Имитационные модели долгосрочных исторических процессов ..	246
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	264

В условиях коренного переустройства всех сторон жизни российского общества в течение последних десятилетий XX — начале XXI в. и ее последовательного обновления перед исторической наукой встали качественно новые задачи. Их новизна определялась прежде всего повышенным вниманием общественных наук к социальной практике. В частности, историческая наука от пассивной фиксации событий и явлений прошлого, догматического толкования питат перешла к глубокому критическому осмыслению пройденного нашим обществом пути. Важнейшими задачами историков стали анализ объективных противоречий в развитии общества и выработка обоснованных рекомендаций по их разрешению, что возможно лишь на пути преодоления сложившейся практики дистанцирования историков от запросов жизни, посредством актуализации самого исторического знания.

Аксиоматично утверждение, что настоящее невозможно понять во всей сложности и противоречивости составляющих его процессов и структурных компонентов без углубленного анализа природы и закономерностей развития их исторических корней. Целостное, системное, объективное изучение прошлого на основе адекватных познавательных технологий и инструментов позволяет глубже, нежели только наблюдение современных событий и процессов, объяснить происходящее, так как генезис системы определяет принципы ее функционирования, а современные события в известном смысле есть следствие прошлого, сформировавшего геокультурные, институционально-политические, эколого-экономические ландшафты настоящего. В связи с этим важнейшей функцией исторической науки становится подготовка фундамента из конкретно-исторических фактов, тенденций, процессов, закономерностей, методологии и методов изучения пространственно-временных социальных явлений и процессов для всех общественных наук.

Умение «извлекать» предшествующий опыт и осмыслить его служит одной из важнейших гарантий успешного национального развития, мощным фактором приращения теоретического арсенала общественных наук и средством применения научных знаний для решения практических задач модернизационных преобразований в нашем обществе. Без всестороннего анализа и усво-

ения уроков прошлого невозможно «расчистить» путь в будущее, сохранив при этом все ценное из наследия предшествующих этапов общественного развития.

Актуализация потенциала исторической науки, изучение исторического опыта в качестве самостоятельных исследовательских задач предполагают решение ряда методологических проблем. Прежде всего необходимо соотнести понятия «исторический опыт» и «историческое знание», которые в исследовательской практике обычно стихийно отождествляются.

Важная особенность исторического опыта – наличие определенной общественно значимой проблемы, сквозь призму которой рассматриваются исторические ситуации, обобщаются ценные элементы социальной практики прошлого. В этой проблеме, как правило, отражаются объективные противоречия общественной жизни. Конкретно-исторически они могут проявляться в нарастании трудностей развития, стагнации и кризисах социальных систем, осознании необходимости ускорения общественного прогресса. Поиск эффективных средств и приемов разрешения имеющихся противоречий значительно упрощается при использовании социального опыта предшествующих поколений, поскольку они могут считаться новыми лишь в контексте текущей социальной практики, но объективно присутствовать в ней предшествующей.

При этом ракурс изучения опыта задается современной ситуацией. Следовательно, исторический опыт не носит абстрактного или универсального характера, рассматриваемого безотносительно к актуализировавшей его социальной потребности. Его можно определить как обобщение и теоретическое осмысление практики прошлого, которые ориентированы на получение знаний, обеспечивающих повышение обоснованности решений в сфере управления демографическими, социально-экономическими, политическими, культурными и другими процессами.

При таком понимании исторический опыт трактуется как субъективная категория, поскольку он предполагает отражение исторического процесса в сознании людей и значим лишь с позиций оценивающего субъекта. Действительно, одни и те же события прошлого могут по-разному оцениваться в зависимости от личных предпочтений исследователей, их принадлежности к определенным социальным группам и классам, разным поколениям. Иначе говоря, в основе субъективности оценок исторического процесса лежит реальная множественность социальных интересов в обществе. Однако субъективность исторического опыта отличается от традиционно понимаемой субъективности исторического познания вообще со всеми присущими ей гносеологическими и идеологическими абберациями. Помимо неизбежного присутствия последней в структуре опыта его субъективная при-

рода проявляется открыто в виде сознательно полагаемой интерпретации и оценки результатов исторического развития в соответствии с интересами субъекта, его специфически ориентированными практическими запросами и в конечном счете – с потребностями общества на том или ином этапе развития.

Следовательно, оставаясь частью исторического знания и не утрачивая объективного содержания, исторический опыт приобретает статус осмысленной общественно-преобразующей практики. «Кристаллизуясь» в сознании масс, социальных групп, классов, партий, отдельных людей как субъектов исторического процесса, отражаясь в программах, подвергаясь интерпретациям в трудах ученых и идеологов, он, по сути, представляет собой предпосылку их деятельности. Учитывая эту функцию исторического опыта, можно получить не только адекватное представление о конкретных путях общественного развития, но и возможность создания гипотез относительно исторического будущего.

Проблема актуализации общественного потенциала истории занимала важное место в исследованиях коллектива Института истории и археологии (ИИиА) УрО РАН с момента его основания в 1988 г., когда под руководством академика В.В. Алексеева была разработана целевая научно-исследовательская программа «Исторический опыт регионального развития. Урал и сопредельные территории»¹. Переломное время в стране, особая роль Урала с его уникальным переплетением общегосударственных закономерностей и региональных особенностей и определили тогда необходимость разработки этой программы. Подготовленная программа оказалась уникальной для нашей страны. Она получила высокую оценку Отделения истории АН СССР, была положена в основу деятельности ИИиА УрО РАН, стала «руководством к действию» при определении содержания научных исследований Института на протяжении последующих десятилетий, обсуждалась на представительных международных форумах, ее положения получили развитие в статьях, опубликованных как у нас в стране, так и за рубежом². Итоги многолетних ис-

¹Алексеев В.В., Артемов Е.Т. Бакунин А.В. и др. Исторический опыт регионального развития: Урал и сопредельные территории. Целевая научно-исследовательская программа. Свердловск, 1989.

²Alekseyev V.V. Historical Experience as a Subject for Study // XVIII Intern. Congress of Histor. Scie. Montreal, 1995; Зубков К.И. Исторический опыт как парадигма социальных исследований: теоретико-методологический анализ // Роль исторического образования в формировании исторического сознания общества. Екатеринбург, 2007. Ч.II. С.120–128 (и др.); Артемов Е.Т. Постников С.П. Индустриальное наследие как фактор актуализации исторической памяти // Сохранение индустриального наследия: мировой опыт и российские проблемы: Мат-лы Междунар. конф. ТИССИН (Нижний Тагил, Екатеринбург, 8–12 сентября 1993 г.). Екатеринбург, 1994. С. 195–200.

следований по этой проблематике подведены в монографии В.В. Алексеева³. Его вывод о продуктивности поиска исторических закономерностей на основе выявления типологического сходства исторических ситуаций, циклического «повторения» основных конститутивных параметров общественного развития трудно переоценить. По сути, это означает, что обобщение исторического опыта обладает прогностической функцией и может использоваться в социальной практике для повышения степени обоснованности управленческих решений⁴.

Важное значение для осмысления исторического процесса имеют теоретико-методологические исследования по проблемам исторической динамики с акцентом на использовании исторического опыта, что характерно для уральских гуманитариев. Новые методологии, центром разработки которых стал ИИиА УрО РАН (авторские модели геополитического и факторного анализа исторической динамики, теория структурно-демографических циклов, концепция диффузии исторического опыта, многоуровневый цивилизационный анализ, конкретно-проблемная методология изучения модернизаций, историческая регионалистика и др.) активно применяются в конкретно-исторических трудах, в том числе посвященных уральскому региону.

Целью исследования, результаты которого отражены в настоящей монографии, стали актуализация (или реактуализация) потенциала исторической науки в новых условиях, обоснование возможностей практического применения исторического опыта в современной социальной практике и социальном прогнозировании.

Постановка этой проблемы актуализирует тему совершенствования теоретико-методологических подходов, ориентированных на выявление в социальной и исторической реальности структурных компонентов, тенденций, закономерностей, которые могут послужить базой для экстраполяции их в совершившееся и грядущее настоящее.

В предлагаемом на суд читателя коллективном труде разрабатываются вопросы теоретического содержания категории «исторический опыт» в аспекте исторической онтологии (теории исторического процесса) и исторической эпистемологии (значение исторического опыта как «координатной» системы исторического познания и гносеологической функции); исследуются место и роль исторического опыта в структуре исторического познания и его функциональные связи с историческим знанием; предлагаются новые концептуально-методологические

³Алексеев В.В. Общественный потенциал истории. Екатеринбург, 2004.

⁴Алексеев В.В. Будущее способен предвидеть тот, кто понял прошедшее // Наука и жизнь, 2007. № 10. С. 12–19.

подходы и методы исторического исследования на основе использования категории «исторический опыт»; определяются границы, возможности, принципы и конкретные пути применения исторического опыта в социальной практике; обосновывается эффективность теоретико-методологических подходов при объяснении основных событий и процессов российской истории.

Масштабность исследования обуславливает необходимость использования в качестве теоретической основы нескольких теоретико-методологических подходов, в том числе структурно-отражательного и имитационного моделирования исторических явлений и процессов, теорий модернизации, структурно-демографической теории, структурно-геополитического анализа как в автономном, так и интегрированном режиме.

Разделы монографии написаны В.В. Алексеевым (введение; разд. 1.2; заключение), К.И. Зубковым (разделы 1.1, 2.2), Л.А. Дашкевич, А.Е. Курлаевым (разд. 1.3), Е.Ю. Казаковой-Апкаримовой (разд. 1.4), Г.Н. Шумкиным (разд. 1.5), Е.А. Курлаевым (разд. 1.6), И.В. Побережниковым (разделы 2.1, 2.5), С.А. Нефедовым (разделы 2.3, 2.6), Е.В. Алексеевой (разд. 2.4).

Проведенный анализ показывает, что категория «исторический опыт», фиксируя целостность и универсальность человеческой деятельности, тем не менее не может ни в онтологическом, ни в гносеологическом аспектах рассматриваться как полностью однородная. Она по-разному вписывается как в сами программы социального действия, так и в разные познавательные ситуации, и потому ее содержание должно конкретизироваться в зависимости от содержания и характера поставленных задач исторического исследования.

1.2. Исторический опыт и социальные практики

Проблема изучения классического исторического опыта недостаточно полно представлена в российской историографии. Более того, значение даже того, что имеется, по непонятным причинам принижается. Так, в статье А. Олейникова «Исторический опыт – новый предмет истории» утверждается, что в инструментарии современной исторической науки понятие исторического опыта не занимает «сколько-нибудь заметного места»²³. В сноске к этой статье автор приводит следующее тому доказательство: «Единственной работой, написанной по теме исторического опыта, была до сих пор статья Г.И. Зверевой: Понятие “исторический опыт” в “новой философии истории” // Теоретические проблемы исторических исследований. М., 1999. Вып. 2. С. 104–117».

Однако это не так. К понятию «исторический опыт» некоторые российские ученые обращались в своих трудах значительно раньше, чем Г.И. Зверева. Сошлемся только на один пример международного масштаба. На XVIII Международном конгрессе исторических наук (Монреаль, 1995) в докладе «Исторический опыт как предмет изучения»²⁴, вызвавшем большой интерес участников конгресса и получившем их высокую оценку, были предложены подходы к изучению исторического опыта и дано определение этого понятия, которое впоследствии никем не оспаривалось и широко использовалось в отечественных исследованиях, особенно диссертационных, по историческим наукам.

Даже не упоминая об этих работах, А. Олейников пытается реконструировать логику Ф.Р. Анкерсмита в изучении исторического опыта по материалам его книги «Возвышенный исторический опыт». Однако эта книга предназначена в первую очередь философско-педагогической аудитории, а не специалистам-ис-

²³Олейников А. Исторический опыт – новый предмет теории. Режим доступа: http://kogni.narod.ru/expert.htm#_ftn7.

²⁴Alexeyev V.V. Historical Experience as a Subject for Study. Montreal, 1995.

торикам. Ее автор ставит вопрос: «Может ли историк вступать в реальные отношения, подлинные и «опытные» отношения, которые не замутнены историографической традицией, дисциплинарными допущениями или лингвистическими структурами...?»²⁵ После многочисленных сложных построений он приходит в принципе к положительному выводу, но излагает его очень сложным философским языком, который с трудом подвергается операционализации для потребностей исторической науки.

В своей книге проф. Анкерсмит неоднократно возвращается к вопросу о дефиниции исторического опыта, но попытка дать его обобщенное определение, с нашей точки зрения, не увенчалась успехом, поскольку определение категории у Анкерсмита остается целиком в плоскости философско-психологических интерпретаций и с трудом сопрягается с социально-экономическими реалиями.

Серьезный вопрос вызывает авторская трактовка категории исторического опыта как объективного, субъективного или возвышенного. Термином «объективный исторический опыт» обозначается то, как люди прошлого, представляющие объект исторического исследования, сами воспринимали свой мир. Как субъективный понимается тот исторический опыт, где прошлое уже не зависит от настоящего (они стали обособленными категориями). Иной случай – возвышенный исторический опыт: он представляет собой радикальный вариант второй разновидности субъективного исторического опыта, поскольку уже не является переживанием дистанции между прошлым и настоящим и не предполагает ее наличия. Возвышенный исторический опыт есть опыт обособления прошлого от настоящего²⁶.

Вместе с тем Анкерсмит делает существенный шаг вперед по сравнению со своими предшественниками, утверждая, что четкой границы между объектом и субъектом опыта не должно быть. Ученый приходит к смелому выводу о том, что «исторический опыт способен одним простым и величественным движением отвести в сторону все, что было выстроено несколькими поколениями историков». «Настоящие революции в историописании и историческом знании вообще, как правило, были вызваны сдвигами в историческом опыте, а не полемическими эскападами конструктивистского историописания»²⁷ В связи с этим он приводит весьма убедительный пример «двойственной революции» Э. Хобсбаума. Совпадение во времени Французской и индустриальной революций на пороге XIX в. радикально изменило мир.

²⁵ Анкерсмит Ф. Возвышенный исторический опыт. М., 2007. С. 23.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. С. 185.

Отвечая на «зов прошлого» в критических ситуациях (прежде всего революционных), историк на мгновение «забывает об историографическом контексте, в рамках которого он обычно трудится»²⁸. Наибольшую возможность оценить расстояние между прошлым и настоящим предоставляют именно революции, потому что «побежденные обычно способны на самое глубокое прозрение прошлого»²⁹.

Небезынтересен итоговый вывод автора о том, что «прошлое обретает бытие лишь благодаря историческому опыту и через его посредство»³⁰. Заслуживают внимания и другие философские подходы Анкерсмита. А. Олейников безусловно прав, утверждая, что исследование этого ученого очень полезно для философского образования, но оно, по нашему мнению, трудно совместимо с реальной практикой изучения исторического опыта.

Как же в действительности изучается исторический опыт? До того, когда в 1980-е гг. мы начинали анализ этих вопросов в рамках программы «Сибирь», ими почти никто не занимался. Исключение составляли лишь чрезвычайно идеологизированные публикации об историческом опыте «Великого Октября», колхозного строительства, формирования советской культуры и др. Ситуация изменилась в связи с кардинальной трансформацией общественного строя после распада Советского Союза. По данным интернет-ресурсов, в 1990–2000 гг. защищено более 400 диссертаций по проблематике исторического опыта, причем категория «опыт» рассматривается применительно почти ко всем сферам жизни общества – от экономики до духовной сферы и права (Пленкин В.Ю. Исторический опыт разработки и реализации проектов транспортного освоения Российского Севера: Рубеж XIX–XX вв. – рубеж 1930-х – 1940-х гг.: Дис. канд. ист. наук. Екатеринбург, 2001; Измайлов В.З. Исторический опыт проведения избирательных компаний в органы представительной власти Российской Федерации. 1987–1999: Дис. д-ра ист. наук. М., 2006; Бурбулис Г.Э. Знание и убеждение как интегральные феномены сознания (опыт философско-методологического анализа): Дис. канд. филос. наук. Новосибирск, 1981; Пыжиков А.В. Исторический опыт политического реформирования советского общества в 50–60 гг.: Дис. д-ра ист. наук. М., 1999; Шкредов С.Г. Исторический опыт охраны лесов от пожаров в Восточной Сибири 1946–1991 гг. (на материалах Республики Бурятия, Иркутской и Читинской областей): Дис. канд. ист. наук. Иркутск, 2001; Деревянкин С.М. Моральный дух офицеров Рос-

²⁸ Анкерсмит Ф. Указ. соч.

²⁹ Там же. С. 207.

³⁰ Там же. С. 368.

снийской армии и его укрепление: исторический опыт, уроки (1900–август 1914 гг.): Дис. канд. ист. наук. М., 2005; Иванников В.А. Исторический опыт реформирования тюремной системы Российской империи (1879–1917 гг.): Дис. канд. ист. наук. М., 2006; Завражин А.В. Исторический опыт развития политического мировоззрения российского общества (1721–1917 гг.): Дис. д-ра ист. наук. М., 2010; и др.). Эти работы разнятся по уровню научного осмысления освещаемых в них проблем. В некоторых из них типичное для советского времени название «Борьба КПСС за...» просто заменено на более соответствующее духу времени; но есть среди названных публикаций и очень глубокие, практически полезные исследования. Следовательно, историческая наука России активно обращается к проблеме исторического опыта и на фоне этих исследований упоминать одну-единственную работу, как это делает А. Олейников, некорректно.

Кроме того, опубликована серия монографий и материалов конференций по проблеме исторического опыта (Алексеев В.В., Сапоговская Л.В. Исторический опыт промышленной политики в России (краткий научно-практический очерк). Екатеринбург, 2000; Белоусов Р. А. Исторический опыт планового управления экономикой СССР. М., 1987; Благодатский В. Г. Исторический опыт управления региональным развитием. 1917–1993 гг. (на материалах Урала). Екатеринбург, 2001; Исторический опыт социалистических преобразований в СССР. М., 1984; Куманев В.А. Деятели культуры против войны и фашизма. Исторический опыт 20–30 гг. М., 1987; Москаленко М.Р. Проекты государственного устройства России во второй половине XVIII – начале XXI в.: исторический опыт социально-политического прогнозирования. Екатеринбург, 2007; Сенявская Е.С. Психология войны в XX в. Исторический опыт России. М., 1999; Трапезников С.П. Ленинизм и аграрный вопрос. М., 1983. Т. 2: Исторический опыт КПСС в осуществлении ленинского кооперативного плана; Цыкунов Г.А. Ангаро-Енисейский ТПК: проблемы и опыт (исторический аспект). Иркутск, 1991). Разноплановые и разноуровневые, эти работы преследуют одну цель – обобщить исторический опыт в избранной сфере, что имеет не только научное, но и прикладное значение. Именно этим они отличаются от работ описательного характера. Понятие «исторический опыт» их авторы нередко трактуют на разных методологических основаниях, чем и предопределяются различия в методиках его анализа. Однако мы считаем, что на современном этапе развития исторической науки основополагающие понятия должны быть максимально унифицированы, чтобы можно было адекватно сравнивать полученные в ходе исследований результаты.

После распада Советского Союза сформировался блок специальной литературы по критике «советского опыта» – преиму-

ственно из работ зарубежных авторов, но с участием российских «добровольцев» (Грегори П. Политическая экономия социализма. М., 2008; Грациози А. Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917–1933. М., 2001; Блюм А., Меспуле М. Бюрократическая анархия: статистика и власть при Сталине. М., 2006; Кондратьева Т. Кормить и править. О власти в России XVI–XX вв. М., 2006; Самуэльсон Л. Красный колосс. Становление военно-промышленного комплекса СССР. 1921–1941 гг. М., 2001; Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы. М., 2008; Люкс Л. История России и Советского Союза от Ленина до Ельцина. М., 2012; и др.).

Необходимы специальные методики проведения исторических исследований, поскольку методики философских исследований не всегда адекватно отражают специфику труда историков и оценку его результатов. Попробуем предложить свою трактовку исторического опыта, поскольку, согласно К. Ясперсу, «история не завершена, она таит в себе бесконечные возможности: любая концепция познанного исторического целого разрушается, новые факты открывают в прошлом незамеченную нами раньше истину». «То, что прежде отпадало как неосуществленное, обретает первостепенную значимость...»³¹ Это важно прежде всего для России с присущими ей частыми «перестройками» и незавершенными альтернативами, прокладывающими себе дорогу при каждой смене руководства в стране.

России, особенно в условиях затянувшегося системного кризиса, принципиально важно учесть горькие уроки прошлого, а подчас и сомнительные новации, к которым она органично пока еще не готова. Теперь вопрос стоит так: либо продолжать идти «вслепую», ухватившись за чьи-то фалды, путем гигантской траты человеческой энергии, природных ресурсов, финансовых средств, «скачками», вспять или зигзагами, либо научиться извлекать опыт из своей богатейшей истории, соотносить его с общечеловеческими ценностями и на этой основе определять оптимальные пути развития.

Ушло время, когда человек довольствовался романтическим восприятием истории, размышлял о пользе ее традиций, применял их в религиозной борьбе и идеологических баталиях. Нынче пустое занятие – взирать на прошлое, «добру и злу внимая равнодушно». Его необходимо осмыслить, понять суть его влияния на настоящее и будущее, извлечь уроки из позитивного и негативного опыта. Вместе с тем современная наука так далеко продвинулась вперед по сравнению с эпохами Геродота и Гегеля,

³¹Ясперс К. Смысл и назначения истории / Пер. с нем. М., 1991. С. 276–278.

что ей пора дать квалифицированные ответы на поставленные вопросы. Беда, однако, в том, что если естественные науки шагнули в XXI в., то общественные в силу длительного идеологического противостояния «споткнулись» на его пороге. Следствием этого оказался гигантский разрыв между техническим и социальным прогрессом. С нашей точки зрения, историческая наука слишком долго оставалась на «описательной» стадии, тогда как другие науки, широко используя современные методы анализа, перешли к аналитической и прогностической практике. Но историческая наука также может выполнять прогностическую функцию на основе новых парадигм и нового инструментария, в частности посредством изучения исторического опыта и внедрения его результатов в современную практику.

Принципиален вопрос о соотношении понятий «историческое знание» и «исторический опыт». Имея единое основание в реальном историческом процессе, эти категории предполагают разные целевые подходы к их осмыслению, что, следовательно, приведет к разным результатам. Исторический опыт можно рассматривать как составную часть исторического знания, это своего рода ретроспективная оценка прошлого в его отношении к последующему развитию и итогам этого развития с позиций современной социальной практики. Такой подход позволяет осмыслить историческую ситуацию не просто как свершившийся факт, а как итог сложной вероятностной взаимосвязи между возможностью и действительностью, между прошлым и настоящим, т.е. исследовать объективно заложенные в историческом процессе альтернативные варианты, позитивные и негативные решения, прогрессивные и регрессивные тенденции, возможность их проявления в будущем.

Терминологического определения исторического опыта не существует. Нередко он отождествляется с историческим знанием или опять-таки сводится к идеологическим штампам. Чтобы выйти из этого порочного круга, предлагаем определить исторический опыт как преемственность знаний и умений поколений, концентрированное выражение социальной практики прошлого, ориентированное на выявление тенденций общественного развития и получение знаний, обеспечивающих повышение уровня обоснованности решения проблем современности³².

Типология исторического опыта обусловлена временем, местом и субъектом действия. Так, по «времени» типология может быть построена в пределах от конкретного исторического события до исторической эпохи. Наиболее распространенными являются периодизации по «цивилизациям» или «формациям». Типо-

³²Alexeyev V.V. Указ. соч. Р. 24.

логия по «месту» столь же широкая: от конкретного региона до части света. Чаще всего в качестве критериев в ней фигурируют природно-климатические зоны и отрасли экономики. Типология по «субъекту» еще шире: от личности и коллектива до государства, класса, социального слоя. Поскольку для изучения опыта приходится выбирать объект на «пересечении» этих трех координат, то возникают серьезные трудности при разработке комплексной типологии исторического опыта.

В связи с этим целесообразно обратиться к упрощенному варианту такой комплексной типологии – опыту в широком и узком его понимании. Под историческим опытом в широком смысле следует подразумевать цивилизационные или формационные закономерности развития отдельных государств или группы государств. Исторический опыт в узком смысле выявляется на основе анализа прежде всего локально-исторических процессов (ограниченных в пространстве и времени). Нередко исторический опыт в широком и узком его понимании в силу диалектического единства этих категорий рассматривается нерасчлененно; локально-исторический опыт при определенных условиях перерастает во всемирно-исторический, поэтому, изучая местный опыт, историк не только выясняет общее и особенное, но иногда «выходит» на общеисторические закономерности.

Исторический опыт по своей сути полифункционален³³. Из совокупности его функций мы выделяем в первую очередь экспертную, компаративную и прогностическую, что обусловлено их особой актуальностью. Экспертная функция предполагает оценку уровня развития государства, региона, институциональной структуры или человеческого сообщества с точки зрения их соответствия современным требованиям, выявления не реализовавшихся альтернатив развития и оправдавших себя форм деятельности, а также негативных факторов, уяснения корней «близких» и «дальних» ошибочных решений, разного рода пережитков, тормозящих прогресс. Такой анализ позволяет выявить долговременные тенденции развития, учесть закономерности их проявления, показать причины устойчивости или нарушения сложившихся форм деятельности, проследить реакцию населения на сохранение или уничтожение старых форм жизнедеятельности и внедрение новых.

Компаративная функция должна обеспечить сравнение уровня, путей и методов развития сопоставимых объектов с тем, чтобы учесть опыт соседних и отдаленных территорий, в той или иной форме позаимствовать его. Такая конвергенция опыта имеет принципиальное значение, особенно для отстающих стран

³³Alexeyev V.V. Указ. соч. Р. 25–32.

и регионов, причем иногда сравнивать приходится объекты со значимо различающимися природно-климатическими, социально-политическими и временными условиями, что чревато ошибочными заключениями, которых необходимо избегать.

Прогностическая функция исторического опыта обусловлена двумя предшествующими. Она наиболее ответственная, сложная и меньше всего отработана на практике. Тем не менее имеются прецеденты удачных социально-политических прогнозов, основанных на глубоком знании основополагающих тенденций исторического процесса. Существуют такие ситуации, которые в большинстве случаев завершаются только так, а не иначе. Их необходимо учитывать, тщательно анализировать, чтобы уменьшить негативные последствия.

Наибольшую трудность для изучения представляет прогностическая функция. Поэтому рассмотрим ее подробнее. Мы привыкли к тому, что свершившееся однажды больше не повторяется, оно принадлежит только прошлому, а не будущему. Но ведь можно взглянуть на ситуацию иначе: все ли альтернативы прошлого исчерпаны, не может ли какая-нибудь из них «пробить» себе дорогу в новых условиях? От своевременного и правильного ответа на этот вопрос, имеющий значение прогноза, может зависеть многое. Яркие тому примеры – «возвращение» капитализма в Россию, возрождение идей фашизма в некоторых странах. О таких ситуациях необходимо знать, их следует предвидеть, чтобы, не оказавшись застигнутым врасплох, вовремя ответить на вопрос: какие возможности (или опасности?) для современного развития таит в себе прошлое?

А известны ли конкретные примеры исторических прогнозов? Да, и их немало. Первым прогнозом можно считать библейские пророчества, поскольку многие из них сбылись. Стали реальностью и трагические предположения о судьбе России в XX в. В 1880-х гг. К. Леонтьев предсказал грядущую революцию в России, которая, по его мнению, должна была быть не либеральной, а коммунистической. Она, как полагал философ, низвергнет либерально-буржуазную интеллигенцию, русский коммунизм увлечет народы Востока, а затем начнется истребление буржуазного мира Запада. Предчувствуя неотвратимость такого развития событий, К. Леонтьев предложил русскому царю ввести коммунизм «сверху».

В.И. Ленин на рубеже XIX–XX вв. обосновал возможность победы социалистической революции в одной отдельно взятой стране (и подтвердил это практикой Октябрьского переворота 1917 г.), Г.В. Плеханов же доказал невозможность построения реального социализма в ней. Л.Н. Толстой предупреждал, что если в России рухнет вера, то она на долгие годы превратится в царство денег, водки и разврата. Так и случилось, когда сначала

рухнула вера в православие и царя, а затем – в социализм и коммунизм.

Возникает закономерный, но очень трудный вопрос: как получены эти блестяще сбывшиеся прогнозы? Он требует глубокого изучения. Очевидно, что они строились не на математических моделях, а на доскональном знании истории России, закономерностей ее развития, менталитета правящей элиты и народа, всего многовекового исторического опыта страны с тяжелой судьбой. Попытаемся реконструировать методику таких прогнозов на материалах записки, составленной в кружке А.А. Римского-Корсакова и переданной князем Н.Д. Голицыным Николаю II в ноябре 1916 г. В ней предсказывалась грядущая революция, а «после совершенной анархии и поголовной резни» виделось «на горизонте будущей России восстановление Самодержавной Царской, но уже мужичьей власти в лице нового царя, будь то Пугачев или Стенька Разин, но, понятно, что такие перспективы уже заслоняются предвидением вражеского нашествия и раздела между соседями самого Государства Российского...»³⁴. Это и произошло в России: всего лишь через год в ней установилась самодержавная «мужичья власть», а вскоре начался раздел страны между иностранными интервентами. Примечательно, что «отправной точкой» для этого сбывшегося прогноза стали предшествующие исторические ситуации в имперской России. Впоследствии мало кто мог предположить, что нечто подобное случится с ней в конце XX в., когда на мощной волне популизма, подогретого извне, ее снова перевернул «мужик». Вероятность таких «мужичьих» переворотов будет сохраняться до тех пор, пока Россия не станет правовым государством с высоким уровнем политической культуры населения. Из сказанного следует вывод о том, что для прогнозирования перспектив развития страны прежде всего необходимо обращаться к ее историческому прошлому, которое таит в себе огромное количество самых разнообразных материалов для понимания характера взаимодействия между прошлым, настоящим и будущим. В связи с этим вспоминаются слова Н.В. Гоголя: «Стоит только попристальнее взглядеться в настоящее, будущее вдруг выступит само собою».

Большинство современных прогнозов разрабатывается на основе ситуаций, сложившихся к моменту их составления, в лучшем случае во внимание принимаются реалии последних десятилетий, между тем как история коварна и трудно предсказуема. Ее «корни» тянутся очень далеко в прошлое и продолжают пи-

³⁴Блок А. Последние дни императорской власти. М., 2005. Приложение III.

тать современность своими «соками», которые нередко смывают огромные пласты казалось бы на века возведенного будущего, и общество возвращается назад, хотя и в измененном качестве. Так было с возрождением ценностей античности в эпоху Ренессанса, при реанимации монархий после их казалось бы бесследного исчезновения в пламени революций. Вопрос состоит в том, как уловить это «второе дыхание», измерить его и более того – существуют ли возможности исторического прогноза? Такой «прибор» (метод) еще не создан, но полагаем, что он должен основываться на знании исторических закономерностей, их факторном анализе и математическом моделировании.

В связи с этим нельзя не упомянуть и об исторической экспертизе, которая приобретает все большее значение в рыночных условиях. Так, сегодня востребованы экспертные заключения на строения, обладающие исторической ценностью, экспонаты культуры и искусства со сложной исторической судьбой. Все еще недостаточно используются возможности исторической экспертизы при решении пограничных споров и иных политических проблем (точнее, к их решению не всегда привлекаются специалисты-историки). Именно поэтому нередко принимаются политизированные решения по многим спорным историческими сюжетами. Так было в Чечне, Грузии, частично в Прибалтике. На протяжении десятилетий ведутся безрезультатные дискуссии о российской собственности за границей. Беспрецедентная ситуация сложилась и с идентификацией предполагаемых останков Романовых, найденных под Екатеринбургом. В нарушение российского законодательства «комиссия по изучению вопросов, связанных с исследованием и перезахоронением останков Российского императора Николая II и членов его семьи» отвергла все попытки провести историческую экспертизу по этому действительно историческому делу, возбудив общественность настолько, что она не может успокоиться до сих пор.

Совместно с Уральским федеральным университетом ИИиА УрО РАН предпринята попытка исторического обоснования юго-восточной границы России, которая в течение многих лет вызывала горячие споры между нашей страной и соседними государствами. Результаты этого исследования опубликованы в специальной монографии, одобрены Министерством иностранных дел России, участниками международной конференции «Россия и Центральная Азия: стратегии взаимодействия (Екатеринбург, 23–26 апреля 2012 г.)»³⁵.

³⁵Кокишаров В.А. Тиханова Е.В. Юго-Восточная граница России: исторический путь к согласию. Екатеринбург, 2012.

Источниковая база исторического опыта включает в себя традиционные исторические материалы. Однако необходимо обратить внимание и на тот круг источников, которыми в обычных исследованиях историки пользуются нечасто. Имеются в виду своего рода артефакты, т.е. многочисленные «остатки» хозяйственной деятельности (заводские конструкции, машины, производственный и домашний инвентарь и др.). Они несут важнейшую информацию о производственном опыте и повседневной жизни предшествующих поколений. Квалифицированная оценка таких экспонатов, знание о времени их нахождения в хозяйственном обороте и повседневности позволяют существенно расширить традиционную базу исторических источников, «открыть» до того неизвестные черты жизни предшествующих поколений, оценить опыт их жизнедеятельности, а может быть, и использовать в современных условиях или при конструировании новых технологических образцов.

Средством освоения опыта являются уроки истории. Они позволяют глубже понять прошлое, его позитивные и негативные результаты, связь с настоящим, воздействие на будущее. Чтобы урок исторического опыта был предметным, он, в отличие от исторического знания, задающегося вопросами «что и кто, где и когда?» (что свершилось? кто это сделал? где и когда произошло?), должен отвечать на главные вопросы: «почему? и как?» (почему произошло именно так, а не иначе? как это отразилось в настоящем? и повлияет ли оно на будущее?). Следовательно, исторический опыт следует в направлении от знания факта и события к исторической закономерности. Если историческое знание ограничивается объяснением явлений и тенденций исторического процесса, то при изучении исторического опыта ставится задача выявления стабильных закономерностей этого процесса, механизма их действия для того, чтобы учесть их в практике совершенствования настоящего и прогнозирования будущего.

Процедура извлечения уроков исторического опыта предусматривает соотнесение целей и результатов деятельности исторических персонажей, оценку степени оптимальности сделанного субъектом конкретного выбора целей развития и средств их реализации, а также степени их адекватности назревшим общественным потребностям. Структура предмета исследования исторического опыта зависит от конкретного объекта, а задачи его изучения предусматривают выявление социальных потребностей развития, характеристику процесса осознания этих потребностей, выбор целей развития, уяснение средств и способов их достижения, исследование деятельности по регулированию и управлению развитием, определение итогов, основных тенденций и этапов развития, оценку эффективности управления процессами.

Результаты изучения исторического опыта могут быть представлены в форме монографий, аналитических обзоров, специальных моделей. Однако из-за того, что исторический процесс неповторим, а историческое время необратимо, создание моделей исторического развития затруднено. Вместе с тем следует отметить, что в современных условиях сложность этой задачи снижается с помощью математического моделирования. Важно иметь в виду и то, что исторический опыт не предоставляет готовых рецептов для решения проблем современности. Использование исторического опыта предполагает не столько проведение прямых аналогий или воспроизведение прошлых моделей социальной деятельности, сколько соотнесение тех или иных позитивных и негативных способов решения проблем с современными, аналогичными прожитым ситуациями.

Классические исследования, посвященные историческому опыту, очень сложны и трудоемки, требуют много разнохарактерных материалов и значительных временных затрат. Однако первые их результаты уже опубликованы. Среди них двухтомный труд екатеринбургского ученого С.А. Нефедова «История России. Факторный анализ»³⁶. Практическое значение имеют традиционные исторические исследования ИИиА УрО РАН. В них доказаны необходимость и возможность использования исторического опыта в практике современности. Так, трехтомник «История казачества Азиатской России» (Екатеринбург, 1995) оказался востребован казачьими училищами не только в России, но и в странах зарубежья. Современные металлурги высоко оценили опыт организации металлургического производства, описанный в монографии В.В. Алексеева и Д.В. Гаврилова «Металлургия Урала с древнейших времен до наших дней» (М., 2008). Большим спросом, особенно сейчас, во время подготовки нового этапа освоения Восточной Сибири и Приморья, пользуется у политиков и специалистов-практиков коллективная монография «Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике» (М., 2004).

1.3. Актуализация культурного наследия

Мировой опыт изучения культурного наследия и его охраны насчитывает несколько столетий. Традиционно предметом научного интереса в этой сфере являются материальные объекты (музейные артефакты, памятники архитектуры, живописи, письмен-

³⁶Нефедов С.А. История России. Факторный анализ. М., 2010.Т. 1; М., 2011. Т. 2.

Проведенное исследование было нацелено на преодоление существующей практики «юбилейного» обращения к историческому опыту, замену «ситуативного» подхода постоянным учетом исторического измерения при выработке и принятии ответственных решений. В монографии дана критика подходов, отвергающих возможность актуализации исторического знания, показана значимость исторического опыта в качестве теоретической основы для построения современного общества; обоснована методология расширения общественного потенциала исторической науки, возможностей использования исторического опыта в современной социальной практике и социальном прогнозировании.

В данном труде получила разработку проблема исследования понятия «исторический опыт» и прагматической традиции исторического описания – с античности до современных версий методологии истории и социологических интерпретаций опыта. Проведенный анализ свидетельствует, что категория «исторический опыт», фиксируя целостность и универсальность человеческой деятельности, тем не менее не может ни в онтологическом, ни в гносеологическом аспектах рассматриваться как однородная. Все запечатленное в исторической мысли богатство подходов к интерпретации категории «исторический опыт» в зависимости от исходных теоретических позиций и уровня анализа позволяет зафиксировать по крайней мере три значимых уровня понимания исторического опыта: исторический опыт как субъективное переживание индивидом своего бытия в истории, осознание им возможности самореализации в историческом процессе; исторический опыт как устанавливаемое в коммуникационном процессе социально-типическое понимание мотиваций и механизмов исторической деятельности, отражающее их родовое и коллективное единство; объективированное, «естественно-научное» понимание исторического опыта как результат изучения исследователем массовых историко-социальных процессов, характеризующихся повторением, определенным ритмом воспроизводства деятельности. Эти интерпретации исторического опыта по-разному вписываются как в сами программы социального действия, так и в разные познавательные ситуации, и потому их примене-

ние в историческом анализе должно конкретизироваться в зависимости от содержания и характера поставленных перед исследователем задач.

Существенное внимание уделено обоснованию прогностических функций демографически-структурной теории, которая описывает экономическую и социальную динамику традиционного общества, но может применяться и в наше время для анализа процессов в развивающихся странах. Так же, как и классическое неомальтузианство, эта теория считает фундаментальной причиной экономических изменений рост населения. При недостатке пахотных земель и традиционных земледельческих технологиях аграрное перенаселение приводит, с одной стороны, к падению потребления, а с другой – к притоку безземельных крестьян в города, где они пытаются заработать на жизнь ремеслом. Дальнейшее падение потребления влечет за собой массовое хроническое недоедание, голодовки, усиление социальной напряженности, голодные бунты и восстания. Гражданская война, вторжения внешних врагов, голод, эпидемии приводят к катастрофе, завершающей демографический цикл. До недавнего времени такое циклическое развитие было характерно для всех традиционных обществ, – последние по времени подобные катастрофы имели место уже в XX в.: они связаны с революциями в России и в Китае.

В отличие от других историософских схем, в неомальтузианской теории достаточно подробно описывается взаимозависимость между количественными параметрами (численность населения, площадь пашни, уровень производства и потребления пищи, цены на хлеб и др.), что дает возможность построения математических моделей экономических процессов в разных странах в разные исторические эпохи. Эти модели не отличаются принципиально от экономических моделей, применяемых для анализа особенностей современного развития; разница между ними состоит лишь в том, что они используются для изучения экономических процессов прошлого. Обращенное в прошлое, математическое моделирование создает приближенную картину экономического развития традиционного общества, и оказывается, что это – все та же картина демографических циклов. Таким образом, математическое моделирование подтверждает основные положения неомальтузианской теории.

В монографии доказана необходимость конкретно-исторического многоуровневого анализа модернизаций, что обусловлено многомерностью и вариативностью факторов, закономерностей, механизмов осуществления модернизационных трансформаций на разных общественных уровнях – глобальном, цивилизационном, страновом, региональном, локальном, индивидуальном. Обоснованная в работе конкретно-проблемная методоло-

гия исследования модернизации создает предпосылки для мощной актуализации исторического знания посредством фокусирования внимания на факторах вероятностного воздействия прошлого на будущее – это созданные предшествующими поколениями условия человеческого существования, такие, как геополитические структуры, технологии, инфраструктуры, модели поведения и др. Знание механизмов воздействия прошлого на настоящее и будущее позволяет избегать катастрофических ошибок, волюнтаристского вмешательства в ход истории, бессмысленного реформизма и безудержного революционного радикализма. Исторический опыт модернизаций – это ценнейшая информация, как положительная, так и негативная, о рамках, формах, результатах функционирования исторических механизмов, возможностях вмешательства в них и пределах такого вмешательства.

Извлечь уроки из исторического опыта, актуализировать общественный потенциал исторической науки позволяет сопоставление феноменов и процессов прошлого и современности национального и мирового уровня. Обширное поле для такого рода сопоставлений открывает тема установления взаимосвязей и взаимовлияния стран западного мира и России, путей проникновения иностранных инноваций в отечественную действительность, политики государства по отношению к этим процессам. Концепция диффузионизма, ориентированная на изучение характера взаимовлияния разных культур, позволяет рассматривать и объяснять отечественную историю в непосредственной связи с происходившим в других государствах, а сравнительный метод соизмеряет синхронные и диахронные феномены, истолковывает качественно специфические срезы сущностно единого процесса – приобретения, передачи и практического использования новых знаний.

Особенностью диффузионистского направления, развиваемого в общественных науках более столетия, является четкое выделение важнейших технологических и социальных инноваций, центров их появления; элементов расходящихся из них культурных кругов; процессов и результатов проникновения и адаптации заимствований в принимающей культуре. К главным идеям диффузионизма относятся универсальность для всех исторических периодов и государств закона распространения технологического и культурного влияния из центров возникновения инноваций на периферию; принцип концентрических кругов диффузии инноваций; жизненно важное обладание современными технологиями и прежде всего оружием в целях сохранения государственного суверенитета; большая роль переноса передовых знаний, образования в обновлении общества; нахождение России в орбите европейского технологического и культурного влия-

ния; интерференция нескольких культурных кругов, оказывавших влияние на отечественную историю от Рюрика до наших дней.

В результате проведенного исследования выявлено, что технологическое, социальное, культурное и прочие направления модернизации России XVIII – начала XXI в. осуществлялись в результате действия разных механизмов распространения и внедрения инноваций. Среди этих механизмов дифференцированы государственно-административный аппарат, законодательство, образование, воспитание, медицинское обеспечение, производство (производственные предприятия и технологические циклы), армия и др. Из названных механизмов получения и распространения новых знаний и практик одним из наиболее значимых является высшее образование.

Сопоставление западной составляющей в образовании молодых поколений россиян в имперскую эпоху и наше время показало, что и тогда, и теперь большое, подчас определяющее значение в формировании и деятельности системы высшего образования имели западные образцы. Они транслировались институционально, передавались лично при обучении за рубежом, во время поездок на стажировки, в научные командировки в западные университеты. Зарубежные университеты послужили моделями, легшими в основу университетской системы России в XVIII – начале XIX в.; после вхождения России в Болонский процесс принципы их устройства стали нормативными и для современной России.

Важен ответ на вопрос о результативности – с точки зрения общественной пользы для родной страны – обучения российских студентов за рубежом. В результате политики царского правительства в европейских университетах в конце XVIII в. – первой половине XIX в. было подготовлено множество выдающихся государственных деятелей, десятки профессоров, преподававших затем в российских университетах и других высших учебных заведениях, способствовавших становлению и развитию системы классических университетов в Российской империи. Современный переход к постклассическому университетскому образованию характеризуется большой степенью открытости мирового университетского пространства для обучения студентов из разных стран, активным взаимодействием разных систем образования, тенденцией к сближению образовательных стандартов и систем обучения. В определяющей степени от способности современного российского правительства зависит, удастся ли обратить мировую тенденцию формирования единого интеллектуального пространства на пользу России, принесет ли этот переход прок прогрессивному развитию России, насколько длинным будет «список» ее современных и будущих выдающихся государ-

ственных деятелей и творческих личностей, получивших перво-классное университетское образование мирового уровня.

Проанализирован исторический опыт построения гражданского общества в поздней имперской России и опыт осмысления исторических особенностей взаимоотношений общества и государства в России представителями общественно-политической мысли того времени, проведены параллели и сопоставления с современными научными подходами к проблеме гражданского общества. Ретроспективный анализ позволяет увидеть альтернативность моделей формирования гражданского общества и своеобразии российского исторического пути, обусловленные преемственностью исторических традиций. Актуальными и сегодня представляются взгляды Б.Н. Чичерина, П.Б. Струве и В.В. Розанова на общественное развитие России в контексте проблемы генезиса гражданского общества в России. Б.Н. Чичерину, видевшему в гражданском обществе совокупность частных отношений, возникающих из свободной деятельности лиц, был, по сути, близок «сферный» подход к гражданскому обществу, популярный в современных гуманитарных исследованиях. Проводя параллели между современностью и историческим опытом, обнаруживая некоторую генетическую преемственность, можно увидеть, что истоки своеобразия российской модели гражданского общества и партисипаторной демократии в нашей стране своими корнями связаны с неполитическими структурами. Другой исторической особенностью являлось доминирование патерналистской модели взаимоотношений между гражданским обществом и государством, хотя на некоторых исторических этапах в ней могли появляться и иные оттенки и элементы.

Существенное значение имеет проблема применения категории «исторический опыт» для концептуализации геополитики в контексте методологии истории. При исследовании установлено, что геополитика как прикладная, инструментальная наука оперирует объективными данными социальной и исторической географии не как таковыми, а преимущественно в том политическом значении, которое они имеют для укрепления влияния конкретного государства. Отсюда следует, что какое бы эмпирическое разнообразие пространственных процессов ни попадало в поле зрения геополитики, оно в конце концов всегда интегрируется в стратегическое мышление государственных элит и самосознание общества, которые оперируют категорией ценности территории и запечатлеваются в виде так называемых геополитических «кодов». Также доказано, что геополитическая парадигма исследования имеет опытное происхождение и, по сути, является отражением в сознании исторических субъектов повторяющихся алгоритмов взаимодействия общества с природно-географической средой, фиксируемых в виде «седиментации» кон-

кретного опыта его социально-исторической мобильности. Только в этом виде геополитика смыкается с ретроспективным осмыслением пространственной динамики исторических обществ как важнейшей векторно-градиентной характеристики их эволюции. В этом смысле геополитика, будучи проекцией долгосрочных трендов исторической подвижности народов и государств на географически сориентированные направления и аттракторы мобильности, имеет давнюю традицию в исторической науке. Такое понимание геополитики позволяет и сегодня противостоять обозначившейся в современной постмодернистской геополитике сильнейшей тенденции к произвольному социальному конструктивизму, которая в значительной степени порывает с историзмом и объективизмом как принципами научного анализа.

Итак, в монографии сформулированы усовершенствованные теоретические подходы, ориентированные на выявление в социальной и исторической реальности структурных компонентов, тенденций, закономерностей, которые могут послужить базой для экстраполяции их в совершившееся или грядущее настоящее и будущее. Выявлены механизмы и природа долговременной исторической динамики с выходом на ретроспективный анализ и исторический прогноз, определено соотношение поступательной и циклической составляющих в моделировании долгосрочной исторической динамики России, роль и значение эндогенных (внутренних по происхождению) и экзогенных (внешних) факторов в становлении и развитии российской цивилизации, определены закономерности и особенности механизмов внутреннего генезиса и импорта и усвоения нововведений, их влияния на природу российских социальных институтов и системы культуры на общестрановом и региональном уровнях. Проведенное исследование доказывает чрезвычайную важность учета исторического опыта для суверенного и прогрессивного государственного развития, утверждения национальной идентичности и формирования новых поколений культурных российских граждан.